

СВИДЕТЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

МИХАИЛ РОДЗЯНКО

ДУМА ПРОТИВ
НИКОЛАЯ II

ЗА ЧТО НАС ХОТЕЛИ ПОВЕСИТЬ

Михаил Родзянко

**Дума против Николая II.
За что нас хотели повесить**

«Алисторус»

1920-1924

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Родзянко М. В.

Дума против Николая II. За что нас хотели повесить /
М. В. Родзянко — «Алисторус», 1920-1924

ISBN 978-5-906979-99-5

Михаил Владимирович Родзянко был председателем Государственной Думы третьего и четвертого созывов (с 1907 по 1917 год). Николай II именно его обвинял в крушении монархии, а императрица Александра Федоровна предлагала «повесить Родзянко» наряду с другими депутатами Думы. В своих воспоминаниях Родзянко рассказывает, почему он добивался отречения царя, в чем причины конфликта Думы с Николаем II и Александрой Федоровной, с рядом царских министров, как произошла Февральская революция и почему не удалось сохранить монархию в России. Конечно, его воспоминания во многом пристрастны, но в то же время содержат множество уникальных фактов, которые были известны только председателю Государственной Думы.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906979-99-5

© Родзянко М. В., 1920-1924
© Алисторус, 1920-1924

Содержание

Об авторе	6
Вместо предисловия	14
Часть 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Родзянко
Дума против Николая II.
За что нас хотели повесить

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Об авторе

Михаил Владимирович Родзянко родился 9 февраля 1859 года в Екатеринославской губернии в семье богатого малороссийского помещика, полковника гвардии. Окончив Пажеский корпус (1877), Михаил Родзянко в чине корнета был выпущен в один из самых привилегированных полков Русской Императорской гвардии Кавалергардский. Однако кавалергардская служба продолжалась недолго, уже в 1882 году поручик Родзянко вышел в запас гвардейской кавалерии (с 1885 г. в отставке «по домашним обстоятельствам»). Женившись на княжне А. Н. Голицыной, Родзянко решил нарушить семейную традицию (его отец и дед дослужились до генеральских чинов) и посвятить себя семейной жизни, ведению сельского хозяйства и участию в деятельности дворянских организаций. Как и многие видные представители русского дворянства, он состоял уездным предводителем дворянства (1886-1891), удостоился пожалования в камер-юнкеры (1892), а затем камергеры (1902); руководил работой Екатеринославской губернской земской управы (с 1900 г.) и к 1905 году получил чин «штатского генерала» действительного статского советника.

Занимаясь земской деятельностью, М. В. Родзянко сблизился с представителями либерально настроенного дворянства Д. Н. Шиповым и М. А. Стаховичем, став наравне с ними в революционном 1905 году одним из основателей умеренно-либеральной партии «Союза 17 октября». В отличие от левых либералов – кадетов, октябристы были поначалу значительно умереннее в своих требованиях и конфронтации с властью предпочитали сотрудничество с ней. Названная в честь царского Манифеста 17 октября, ознаменовавшего, по мнению октябристов, вступление России на путь конституционной монархии, партия, представленная преимущественно чиновниками, помещиками и крупной торгово-промышленной буржуазией, видела своей целью стать политическим «центром», борющимся как с реакцией, так и с революцией. Но со временем октябристы проделали заметный крен влево, солидаризовавшись с другими либеральными партиями.

Ринувшийся в «большую политику» М. В. Родзянко не был ни теоретиком, ни публицистом, ни ярким оратором (современники, как правило, отмечали слабость и банальность его речей). Это был прагматичный «барин», использовавший ресурс партии как для отстаивания интересов крупного бизнеса и землевладельцев, так и для саморекламы. В 1906 году Родзянко был избран членом Государственного совета от Екатеринославского земства, но в «верхней палате» не задержался, сложив с себя полномочия в связи с избранием в 1907 году в Государственную думу. Как справедливо отмечает историк И. Л. Архипов, «в Думе Родзянко звезд с неба не хватал, хотя и занимал ответственные позиции»: возглавлял думскую земельную комиссию, полностью поддерживавшую аграрную политику П. А. Столыпина; после того, как лидер октябристов А. И. Гучков был избран председателем III Думы возглавил бюро фракции; а после сложения Гучковым с себя председательских полномочий Родзянко в качестве компромиссной фигуры голосами октябристов и кадетов был избран председателем Думы (1911).

Избрание председателем III Государственной думы сделало М. В. Родзянко довольно популярной в обществе фигурой. Его внушительный грузный вид (сам Родзянко, представляясь наследнику, в шутку назвал себя «самым большим и толстым человеком в России»), громкий бас и бросающаяся в глаза многим самовлюбленность привели к появлению целого ряда прозвищ, отпускавшихся по адресу председателя Думы. С. Ю. Витте язвительно замечал, что «главное качество Родзянко заключалось не в его уме, а в голосе – у него был отличный бас».

Кадетский лидер П. Н. Милюков вспоминал: «Личность М. В. Родзянко на видном посту председателя Думы, незначительная сама по себе, приобретает здесь неожиданный интерес. И прежде всего, естественно, возникает вопрос, как могло случиться, что это лицо, выдвижение которого символизировало низшую точку политической кривой Думы, могло сопрово-

дать эту кривую до ее высшего взлета. М. В. Родзянко мог бы поистине повторить про себя русскую поговорку: без меня меня женили. Первое, что бросалось в глаза при его появлении на председательской трибуне, было его внушительная фигура и зычный голос. Но с этими чертами соединялось комическое впечатление, прилепившееся к новому избраннику. За раскаты голоса шутники сравнивали его с “барабаном”, а грузная фигура вызвала кличку “самовара”. За этими чертами скрывалось природное незлобие, и вспышки напускной важности, быстро потухавшие, дали повод приложить к этим моментам старинный стих: “Вскипел Бульон, потек во храм...” “Бульон”, конечно, с большой буквы Готфрид Бульонский, крестоносец второго похода».

При этом, добавлял Милюков, «в сущности, Михаил Владимирович был совсем недурным человеком. Его ранняя карьера гвардейского кавалериста воспитала в нем патриотические традиции, создала ему некоторую известность и связи в военных кругах; его материальное положение обеспечивало ему чувство независимости. Особым честолюбием он не страдал, ни к какой “политике” не имел отношения и не был способен на интригу. На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся и мог совершить любую gaffe (оплошность. – А. И.)».

А острый на язык В. М. Пуришкевич отозвался на избрание нового думского председателя ироничной эпиграммой:

Родзянко Думе не обуза,
Но, откровенно говоря,
Нам головой избрали пузо
Эмблему силы «октября».

(При этом и сам Пуришкевич отдал свой голос за Родзянко, написав на листке для голосования следующий экспромт: «Хоть на лицо, хоть наизнанку / Переверни кругом Родзянку, / А как не бейся, хошь, не хошь, / Другого лучше не найдешь»).

* * *

Позиционируя себя как «убежденного монархиста», на практике Родзянко был гораздо большим конституционалистом и парламентаристом. Не стремясь к революции, он ратовал за эволюционное изменение государственного строя, путем либеральных преобразований, выступая за конструктивное сотрудничество с властью, там, где оно возможно, и ответственную оппозицию, там, где этого требовали принципы его партии. Свое политическое кредо Родзянко сформулировал следующими словами: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года, укрепление основ которого должно составить первую и неотложную заботу русского народного представительства».

Пользуясь правом личного доклада Императору, Родзянко активно включился в борьбу с Г. Е. Распутиным, в котором видел чуть ли не главное «зло», губящее монархию. Уже после революции Родзянко продолжал утверждать, что «начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом связаны с появлением при русском дворе и его влиянием на жизнь двора Григория Распутина». При этом Родзянко не понимал или не хотел понять, что своим активным участием в антираспутинской истерии он отнюдь не укреплял монархию, а наоборот, расшатывал ее. Не без пафоса Родзянко заявлял: «Мы, монархисты, больше не можем молчать».

Очень примечателен в этом плане разговор Родзянко с духовником царской семьи протоиереем Александром Васильевым, канонизированным ныне церковью. Учитывая характер

мемуаров Родзянко, есть серьезные причины сомневаться в том, что этот разговор происходил именно в такой форме, но важно не это. Куда интереснее в плане характеристики взглядов председателя Государственной думы его трактовка этого разговора:

«...Я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что императрица Александра Федоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце: “Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи”.

– Какая же его роль особенно по отношению к детям в царской семье?

– Он с детьми беседует о Боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

– Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы все знаете и из угодливости молчите, когда Бог дал вам власть как служителю алтаря открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов царя и России забросать грязью престол и церковь».

Пиком влияния Родзянко стало время Первой мировой войны. Олицетворяя собою народное представительство, он стал восприниматься как некий символ провозглашенного в 1914 году «священного единения». Однако единение парламента с властью оказалось недолгим, и вскоре сам Родзянко активно включился в политическую борьбу, заняв в ней сторону либеральной оппозиции. Он критиковал решение императора стать Верховного главнокомандующим, требовал отставки консервативно настроенных министров: В. А. Сухомлинова, Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова, обер-прокурора В. К. Саблера и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина; участвовал в создании Прогрессивного блока, став одним из его лидеров. Как вспоминал В. В. Шульгин, «монументальный Михаил Владимирович Родзянко, самой природой предназначенный для сокрушения министерских джунглей, <...> несет свой авторитет председателя Государственной думы с неподражаемым весом. <...> “Цукать” министров с некоторого времени сделалось его потребностью». При этом особы Императора Родзянко все же требовал от оппозиции в своих нападках не касаться. «Открыто <...> в своих речах в Думе – мы бранили министров... При этой травле, однако, не переходили конституционной грани и не затрагивали монарха... Это было основное требование Родзянко», – утверждал тот же Шульгин.

Вместе с тем, играя роль посредника между Думой и монархом, Родзянко уговаривал императора не слушать правых и ни в коем случае не учреждать диктатуры. «Спасать» страну от революции Родзянко предлагал государю по следующему рецепту: «...Дайте ответственное [перед Думой] министерство. Вы только расширите права, которые вы уже дали конституцией, но власть ваша останется незыблемой. Только ответственность будет лежать не на вас, а на правительстве...»

«Без него (т. е. Родзянко. – А. И.) не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество, ни одна правительственная манифестация, – вспоминал В. Б. Лопухин. – Вернее, он не мог, не считал себя вправе их обходить. Везде тут как тут. Всюду внедрялся. Председатель Государственной думы, “выразитель народной воли”, второе лицо в России после царя, каким Родзянко мнил себя и пытался поставить, считая, что и по интеллектуальным своим качествам, помимо всего прочего, он на голову выше всех своих современников. Такова была мания человека, никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного. Никогда не приходилось слышать, чтобы где-либо существовал другой такой беспокойный председатель законодательной палаты. Резвостью и распространенностью он превосходил севильского Фигаро. И всех-то поучал: и министров,

и царя, и царицу со тщетностью, не уступавшею назойливости. Смешною, а когда затянется, и скучною была болтовня Родзянко, псевдопатриотическая, неумело снабжавшаяся шаблонными эффектами дикции и жестов. Большое участие в его речах, произносившихся с модуляциями голоса сказателя древних былин, принимал указательный перст думского председателя. Он подчеркивал устремлением вверх важность выдвигавшихся моментов. <...> Да, всех Родзянко поучал. Одного себя поучить упустил из виду».

Как отмечал П. Н. Милюков, «председатель Думы со своей стороны не переставал докладывать царю своими докладами о тяжелом положении внутри страны и на фронте. Царь его не любил; Маклаков ненавидел. Но по своему положению Родзянко выдвигался на первый план в роли рупора Думы и общественного мнения. “Напыщенный и неумный”, говорил про него Маклаков. “Напыщенным” Родзянко не был; он просто и честно играл свою роль. Но мы его знаем: он “вскипал”, надувался сознанием своей великой миссии и “тек во храм”. “Неумен” он был; в своих докладах, как в своих воспоминаниях, он упрощал и утрировал положение вероятно, и под влиянием Гучкова. Паникерство было ему свойственно».

* * *

Родзянко был посвящен в заговор, зревший против Николая II. Рассказывая в своих мемуарах о прозвучавшем в 1916 году у него на квартире призыве генерала А. М. Крымова к государственному перевороту и одобрительной реакции некоторых думских депутатов, Родзянко утверждал, что сам он поспешил возразить на это следующими словами: «Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, а не насилием...»

Однако, во-первых, словам этим, написанным в эмиграции, когда итог революции был уже у всех перед глазами, и поправевшая эмиграция искала виновников крушения привычного мира, есть основания не доверять. А во-вторых, даже если допустить, что Родзянко не выгораживает себя и не лукавит, назвать его слова «верноподданническими» нет никакой возможности: о заговоре, обсуждавшемся у него на квартире, он царя в известность, естественно, не поставил, да и саму идею переворота, как видим, не отметал, предлагая лишь не втягивать в это его, но позволяя действовать военачальникам.

Показателен в этом плане и другой фрагмент воспоминаний Родзянко. Когда великая княгиня Мария Павловна заявила ему о том, что императрицу надо уничтожить, председатель Думы якобы ответил ей так: «Ваше высочество, <...> позвольте мне считать этот наш разговор не бывшим, потому что если вы обратились ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к государю императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу...».

«Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года, – свидетельствует Родзянко. – Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот, и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен». Правда, утверждал далее председатель Думы, его такие разговоры «приводили в негодование», поскольку он был против того, чтобы «впутывать Думу в неизбежную смуту» и подчеркивал: «Дворцовые перевороты не дело законодательных палат». Впрочем, позже, в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Родзянко не без гордости сообщит: «мой кабинет это был

фокус всех новостей и отчасти сплетен. Я все знал, что говорилось; но многое мне приходилось в одно ухо впускать, в другое выпускать».

В Государственной думе Родзянко вел себя все более пристрастно, покровительствуя либеральной и левой оппозиции и обрывая речи правых, протестовавших против «штурма власти». В частных разговорах он позволял себе достаточно резкие заявления: «Правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии». И делал вывод, как спасти страну от революции: «...Это достижимо только при условии удаления царицы. (...) Пока она у власти мы будем идти к гибели».

В свою очередь, императрица с 1916 года в письмах к супругу называет Родзянко «мерзким», «гадиной», «ужасным человеком». 17 сентября 1916 года императрица напишет: «Как я хотела бы, чтоб Родзянко повесили – ужасный человек и такой нахал». Это не помешало Родзянко заявить Николаю II: «Не заставляйте, ваше величество, (...) чтобы народ выбирал между вами и благом родины», а затем, на заданный царем вопрос: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..», Родзянко выпалил: «Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути».

Неслучайно в глазах общества Родзянко превращался в героя. В конце 1916 года, после инцидента с правым депутатом Н. Е. Марковым, назвавшим председателя Думы за лишение его слова «мерзавцем», обиженный Родзянко оказался в ореоле славы. К нему шли огромным потоком со всех концов России приветствия и трогательные телеграммы. Как замечала одна из газет, Родзянко все поздравляли, приветствовали, соболезновали и «по телеграфу поцеловать пробовали». Кабинет председателя Думы был заставлен цветами, незнакомые ему дамы и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворения. Вся «мыслящая Россия» выражала ему свое сочувствие и осуждала черносотенного оратора, осмелившегося оскорбить главу народного представительства.

А 1 января 1917 года во время новогоднего приема в Зимнем дворце Родзянко позволил себе выпад по адресу министра внутренних дел А. Д. Протопопова, которому демонстративно отказался подать руку со словами: «Оставьте меня. Вы мне гадки!» Этот поступок еще больше укрепил репутацию Родзянко как бескомпромиссного политика и патриота.

* * *

В событиях февраля 1917 года М. В. Родзянко довелось сыграть одну из главных ролей. Привыкший играть роль посредника между царем и «общественностью», председатель Думы постоянно поддерживал связь со Ставкой, убеждая Николая II для успокоения взбунтовавшегося Петрограда поскорее назначить главой правительства лицо, «пользующееся доверием страны». Но Николай поступил иначе, издав 26 февраля указ о приостановке работы Государственной думы; тогда думцы продолжили частные совещания.

Родзянко не знал что делать. Описывая его поведение в февральские дни, Шульгин писал: «Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет – бунт или не бунт? “Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. Но, с другой стороны, ведь правительства нет. Ко мне рвутся со всех сторон... Все телефоны обрывают. Спрашивают, что делать? как же быть? Отойти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Ведь это Россия же, наконец!.. Есть же у нас долг перед родиной?.. Как же быть? Как же быть?” – спрашивал он и у меня. Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно: “Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный... Берите, потому что держава Российская не может быть без власти... И если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить...”»

Этот довод убедил Родзянко и 27 февраля он возглавил Временный комитет Государственной думы (ВКГД). «Всю ночь провели мы за обсуждениями и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному рассмотрению все поступающие новости и слухи, – вспоминал А. Ф. Керенский. – Создание незадолго перед тем Совета было расценено как критическое событие, ибо возникла угроза, что в случае, если мы немедленно не сформируем Временное правительство, Совет провозгласит себя верховной властью России. Дольше всех колебался Родзянко. Однако, в конце концов, около полуночи он объявил о своем решении принять пост председателя Временного комитета, который отныне, вплоть до создания Временного правительства, берет на себя верховную власть».

На следующий день Родзянко, находясь в Таврическом дворце, приветствовал полки Петроградского гарнизона, перешедшие на сторону революции. «Михаил Владимирович очень приспособлен для этих выходов, – вспоминал этот день Шульгин, – и фигура, и голос, и апломб, и горячность... При всех его недостатках он любит Россию и делает что может, т. е. кричит из всех сил, чтобы защищали Родину...»

М. В. Родзянко поддерживали генералы Н. В. Рузский и М. В. Алексеев, убеждавшие царя поручить председателю Думы формирования министерства, «из лиц, пользующихся доверием всей России», и 2 марта Николай II уступил, издав соответствующий Манифест. Но этого революционной Думе было уже мало. 2 марта Родзянко заявил Рузскому, что «ненависть к династии дошла до крайних пределов, (...) и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием... (...) К сожалению, Манифест запоздал; ... время упущено и возврата нет... переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней...» Затем генерал М. В. Алексеев известил всех командующих фронтами о разговоре Родзянко с Рузским, отметив, что «династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича».

Внешне председатель Думы продолжал пользоваться огромной популярностью: его приветствовали тысячами телеграмм, на его имя шли пожертвования на революцию, появились даже ходоки из деревень, чтобы посмотреть на «нового царя Родзянко». Однако власть с первых же дней революции стала ускользать от Родзянко. Получив 28 февраля разрешение от царя сформировать новое правительство, он не смог управлять этим процессом, так как списком министров занялся Милюков. Собравшись 1 марта выехать на встречу с Николаем II в Псков, председатель Думы не был выпущен из мятежного Петрограда по требованию Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И хотя Родзянко продолжал убеждать генералов Рузского и Алексева, что «до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания», на деле все было совсем не так. А вскоре и сам Родзянко вынужден будет признать: «Я сам вишу на волоске, власть ускользает у меня из рук». (Показателен эпизод, случившийся 27 февраля 1917 года, когда один из солдат воскликнул во время выступления думского председателя: «Изничтожить надо этого Родзянко!»).

Узнав, что акт об отречении составлен царем в пользу брата, а не сына, Родзянко ранним утром 3 марта по прямому проводу убеждал Рузского, что «чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти вел. кн. Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом... весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо. (...) Провозглашение императором вел. кн. Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому». В тот же день Родзянко принял участие в переговорах с великим князем Михаилом, настаивая на его отказе от престола.

Позже, оправдывая свое поведение в дни революции, Родзянко писал: «Конечно, можно было бы Гос. Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия, и отечество погибло бы немедленно... Думу надо было беречь, хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту».

* * *

После Февральской революции Родзянко продолжал руководить частными заседаниями Государственной думы, но до властных высот творцы Февраля его не допустили. Сыграв свою роль, «толстый Родзянко» стал тяготить своих бывших единомышленников. Если в августе 1915 года его имя фигурировало в одном из списков, составленных представителями оппозиции в качестве премьер-министра, то уже в 1916-м было принято решение выдвигать на этот пост князя Г. Е. Львова. Как отмечал левый кадет Н. В. Некрасов, «единодушно сходились все на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли».

Для Родзянко не предусматривалось никакого министерского поста. Комментируя в воспоминаниях это решение, Милюков писал: «Достаточно прочесть воспоминания Родзянки, чтобы понять, до какой степени этот человек не подходил для той роли, которую должна была сыграть Государственная дума в предстоявшем перевороте. Но он продолжал мнить себя вождем и спасителем России и в этой, переходной, “стадии”. Его надо было сдвинуть с этого места, и я получил соответственное поручение, согласовавшееся с моими собственными намерениями. Заменить в планах блока председателя Думы председателем земской организации было нелегко. Но я эту миссию исполнил. Конечно, она была облегчена всероссийской репутацией князя Львова: он был в то время незаменим. Не могу сказать, чтобы сам Родзянко покорился этому решению. Он продолжал тайную борьбу... (...) Политическая роль, которую Дума играла, так сказать, по молчаливому передоверию, должна была перейти к русской общественности, если эта общественность могла послужить упором против наступления следующих “стадий”. В этом смысле смена Родзянки князем Львовым была первым революционным шагом и неизбежной прививкой против дальнейшего обострения болезни. В мировоззрение Родзянки это не вмещалось, и я несколько не жалел, что на мою долю выпало произвести эту хирургическую операцию. Оговорюсь, впрочем: много времени спустя на меня находили минуты сомнения, правильно ли было заменить старого конногвардейца толстовцем. И все-таки я находил, что другого исхода не было».

Как справедливо отмечает И. Л. Архипов, «события Февральского переворота свидетельствовали, что Родзянко мог быть статусным политиком, занимая высокое, ответственное и престижное положение практически только в ситуации “думской монархии” с ее относительной политической стабильностью. Неуправляемый революционный взрыв тотчас сделал Михаила Владимировича чрезмерно правым. Он не смог вписаться в узкий круг политиков, которые принимали ключевые решения в дни крушения старого порядка, касающиеся конфигурации будущей системы власти и, прежде всего, состава Временного правительства».

Обиженный Временным правительством Родзянко вскоре превратился в его критика: он обвинял революционную власть в развале армии, экономики и государства, естественно, видя главной причиной слабости новой власти ее отказ сотрудничать с Государственной думой (т. е. с ним, Родзянко). Сочувствуя «корниловскому мятежу», Родзянко, тем не менее, отказался от какого-либо содействия ему, хотя и был готов привлечь Думу к организации новой власти в случае успеха.

Не приняв Октябрьской революции, окончательно похоронившей амбициозные надежды бывшего председателя бывшей Государственной думы, Родзянко перебрался на белый Дон, где пытался играть политическую роль, хотя и без особого успеха. В 1920 г. Михаил Владимирович

эмигрировал в Сербию, где на протяжении четырех лет влачил жалкое существование. Тяжелое материальное положение некогда очень богатого помещика усугублялось моральными страданиями: поправевшая эмиграция винила его в революции, в отречении и в развале России. Его кончина, наступившая 24 января 1924 года, оказалась почти незамеченной. Прах Родзянко был погребен на Новом кладбище в Белграде.

*Андрей Иванов,
доктор исторических наук*

Вместо предисловия

Приступая к изложению событий, предшествовавших революции, и обстоятельств, при которых или, вернее, в силу которых появился при дворе императора Николая II Григорий Распутин и получил столь пагубное влияние на ход государственных дел, я отнюдь не имею в виду стремление набросить тень на личность мученически погибшего русского царя. Жизнь его, несомненно, была полна лучших пожеланий блага и счастья своему народу. Однако он не только ничего не достиг, благодаря своему безволию, мягкости и легкому подчинению вредным и темным влияниям, а, напротив, привел страну к смуте, а сам со своей семьей погиб мученической смертью.

Мне, как близко стоявшему к верхам управления Россией, кажется, что я не вправе сохранять втайне эти темные страницы жизни русского царства, страницы, раскрывшиеся во время такой несчастливой для нас мировой войны. Потомство наше себе в назидание должно знать все прошлое своего народа во всех его подробностях и в ошибках прошлого черпать опыт для настоящего и будущего. Поэтому всякий, знающий более или менее интимные детали, имеющие исторический интерес и государственное значение, не имеет права скрывать их, а должен свой опыт и осведомленность без всякого колебания оставить потомству.

С этой точки зрения и я прошу читателей отнестись к настоящим запискам. Быть объективным в своем изложении – моя цель, резкого же или пристрастного отношения к рассматриваемой эпохе я буду тщательно избегать.

Так или иначе, но начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом связаны с появлением при русском дворе и его влиянием на жизнь двора Григория Распутина. И виновным в том, что его влияние имело гибельные последствия для всего государства, нельзя считать, однако, императора Николая II, но, несомненно, и, главным образом, тех государственных деятелей и приближенных к императорскому Двору лиц, которые не поняли или не хотели понять в своих личных выгодах и расчетах глубину той пропасти, в которую могут быть ввержены не только императорская семья, но и вся Россия. Обаяние царского престола было замарано наличием вблизи его безнравственного и грязного проходимца. Эти лица должны были, не щадя себя, если им интересы и судьбы родины были выше личных выгод и соображений, мужественно сплотиться во имя блага родины и спасти ее от могущих быть страшных потрясений. На деле этого не было. Люди, долг которых заключался в упорной борьбе с нарождающимся злом, этого долга перед Россией не исполнили. Они, напротив, в личных выгодах поддерживали тлетворное влияние Распутина на царскую семью, видя в нем верное орудие для достижения своих тщеславных и корыстных целей.

Я самым решительным и категорическим образом отбрасываю появившиеся в последние дни царствования Николая II недостойные и грязные инсинуации на царскую чету, все те памфлеты бульварного характера, которые принимались легко на веру взбудораженной, легковверной толпой. Долгом совести я считаю заверить, что причины влияния Распутина лежат более глубоко. Они относятся к области болезненного мистицизма императрицы Александры Федоровны, мистицизма, который постоянно и искусственно поддерживался Распутиным и его приспешниками, но ни в какой степени не основывались на интимных отношениях.

В своем изложении я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи.

М. Родзянко

Часть 1

Мистицизм царицы и пророки с Запада. – Епископ Феофан и появление Распутина. – В чем сила его влияния на царицу. – Столкновение с Гермогеном и Илиодором и обер-прокурор синода Саблер

К тому времени, когда после японской войны я по избранию екатеринославского губернского земства сделался членом Государственного Совета, относится и знакомство мое, более или менее близкое, с высшими правящими сферами, а, следовательно, сделались доступными многие интимные подробности быта этих сфер, недоступные и неизвестные широкой русской публике.

Общее мнение, и несомненно правильное, заключалось в том, что императрица Александра Федоровна еще с малых лет имела склонность к мистическому мирозерцанию; это свойство ее природы, по мнению многих, – наследственное, крепло и усиливалось с годами, а в описываемый мною период достигло религиозной мании, скажу даже, религиозного экстаза – вера в возможность предсказаний будущего со значительной долей суеверия.

Причины такого ее душевного состояния объяснить, конечно, трудно. Было ли это последствием частого деторождения, упорной мысли о желании иметь наследника, когда у нее рождались все дочери, или крылось ли это настроение в самом ее душевном существе – определить я не берусь.

Но факт ее болезненного мистического и склонного к вере в сверхъестественные явления настроения, даже к оккультному, – вне всякого сомнения.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими всегда более внимательно нас, русских, и особенно придворные настроения. Чтобы иметь сильную руку при дворе русском, быстро ориентировавшись в создавшемся положении, они немедленно решили использовать это настроение.

В начале 1900 года стали появляться при императорском русском дворе несколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущего, которые приобретали значительное влияние на мистически настроенный ум императрицы Александры Федоровны. В силу доверия, которое оказывалось этим проходимцам царской семьей, вокруг них образовывались кружки придворных, которые начинали приобретать некоторое значение и даже влияние на жизнь императорского двора.

В этих кружках тайное, незаметное участие принимали, без сомнения, и агенты некоторых иностранных посольств, черпая, таким образом, все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни. Так, например, за это время появился некий Филипп. Он отвечал как нельзя лучше тому типу людей, которые, пользуясь своим влиянием на психологию царственной четы, готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение.

Ко двору этот господин был введен двумя великими княгинями. Но вскоре агент русской тайной полиции в Париже Рачковский¹ донес в Петербург, что Филипп – темная и подозрительная личность, еврей по национальности и имеет какое-то отношение к масонству и обществу «Гранд Альянс Израелит». Между тем Филипп приобретает все большее и большее влияние. Он проделывал какие-то спиритические пассы и сеансы, предугадывал будущее и убеждал императрицу, что у нее непременно явится на свет в скором будущем сын, наследник престола

¹ Рачковский П. И. – потомственный дворянин. Имея домашнее образование, поступил в 1867 г. младшим сортировщиком в киевскую губернскую почтовую контору. В 1879 г. за участие в революционном движении арестован, но вскоре выпущен, согласившись быть секретным сотрудником охранки. Вскоре Р. был разоблачен и вынужден был скрыться в Галицию. В 1883 г. поступает в мин. внутр. дел. В 1885 г. был назначен заведующим заграничной секретной агентурой, на этом посту оставался до 1902 г.

своего отца. Филипп приобретает такую силу при дворе, что агент Рачковский был смнен за донос его на Филиппа. Но как-то загадочно исчез и Филипп при своей поездке в Париж.

Не успел он исчезнуть с петербургского горизонта, как ему на смену появился в высшем обществе такой же проходимец, якобы его ученик, некий Папюс, который в скором времени и тем же путем был введен ко двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашним руководителям русской внутренней политики и высшим иерархам церкви. Они были озабочены столь быстро приобретаемым влиянием приезжающих, а может быть, и подсылаемых загадочных субъектов.

Власти светские были озабочены возможностью сложных политических интриг, так как в силу доверия, оказываемого им царями, вокруг них образовывались кружки придворных, имевших, конечно, в виду только свои личные дела, но способные и на худшее.

Власть духовная в свою очередь опасалась возникновения в высшем обществе сектантства, которое могло бы пойти из придворных сфер и которое пагубно отразилось бы на православной русской церкви, примеры чему русская история знает в царствование императора Александра I.

Совокупными ли усилиями этих двух властей, или в силу других обстоятельств и происков, но Папюс вскоре был выслан, и его место занял епископ Феофан², ректор СПб Духовной академии, назначенный к тому же еще и духовником их величеств. По рассказам, передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять православная церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против тлетворного влияния гнусных иностранцев, преследующих, очевидно, совсем иные цели.

Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому двору именно им был введен Распутин.

Надо полагать, что епископ Феофан глубоко ошибся в оценке личности и душевных свойств Распутина. Этот умный и тонкий, хотя почти неграмотный мужик ловко обошел кроткого, незлобивого и доверчивого епископа, который по своей чистоте душевной не угадал всю глубину разврата и безнравственности внутреннего мира Григория Распутина. Епископ Феофан полагал, несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный, верующий православный русский человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения простолюдина.

Епископ Феофан, конечно, думал, что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы государыни и легче, чем кто другой, рассеет сгустившийся в душе ее тяжелый мистический туман. Но роковым образом честный епископ был жестоко обморочен ловким пройдохой и впоследствии сам тяжко поплатился за свою ошибку.

² Епископ Феофан (Быстров) – архимандрит. С 1909 г. состоял ректором петербургской духовной академии. При содействии и по рекомендации Ф. приблизился к царскому двору Распутин. В 1910 г. Ф. разочаровался в Распутине и выступил его обличителем при дворе, но был переведен на епископскую кафедру в Симферополь.

* * *

Кто же был, по существу. Григорий Распутин? Его жизненный путь до появления на государственной арене установлен документально.

Крестьянин села Покровского, Тобольской губернии, Распутин, по-видимому, мало чем отличался от своих односельчан, был рядовым мужиком среднего достатка.

Из следственного о нем дела видно, что с молодых лет имел склонности к сектантству; его недюжинный пытливый ум искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, что прочных христианских основ в духе православия в его душе заложено не было, и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, еще до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели.

Таков нравственный облик Григория Распутина на основании следственного о нем дела, бывшего у меня в руках. Из этого же дела я почерпнул и следующие сведения. Местный священник с. Покровского стал замечать странные явления во дворе Григория Распутина.

Была возведена в глухом углу двора какая-то постройка без окон, якобы баня. У Распутина с сумерками стали собираться какие-то таинственные сборища. Сам Распутин часто стал отлучаться в Абалакский монастырь³ вблизи Тобольска, где содержались разные лица, сосланные туда за явную принадлежность к разным религиозным сектам. Пока местный священник выслеживал подозрительные обстоятельства, происходящие во дворе Распутина, этот последний решил испытать счастье вне родного села и махнул прямо в Петербург. Документально установить, каким образом Распутин сумел втереться в доверие к епископу Феофану, мне не удалось. Слухов было так много, что на точность всех этих разговоров полагаться нельзя. Указывали как на посредника между епископом Феофаном и Распутиным на священника Ярослава Медведя, духовника одной из русских великих княгинь, ездившего почему-то в Абалакский монастырь или туда сосланного, где он будто бы познакомился с Распутиным и привез его с собой. Эта версия наиболее вероятная, но были и другие. Но как бы там ни было, в начале 1900-х годов, еще до китайской войны, мы видели уже Распутина в большой близости к епископу Феофану, духовнику их величеств; недальновидный архипастырь ввел его и ко двору в качестве старца и начетчика, которыми еще при московских царях кишмя кишели терема цариц московских.

Распутин на первых порах держал себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своих намерениях. Естественно, что он осматривался, изучал придворный быт и придворных людей, придворные нравы и своим недюжинным умом делал из своих наблюдений надлежащие для своей дальнейшей деятельности выводы. Этим он не только укрепил веру в себя своего покровителя епископа Феофана, но приобрел еще влиятельного сторонника в лице епископа саратовского Гермогена⁴, впоследствии члена св. Синода, сознавшего, в конце концов, свое заблуждение и много за него пострадавшего. Сторонником же Распутина явился и небезызвестный иеромонах Илиодор⁵, но про последнего определенно говорили, что это карье-

³ Абалакский монастырь находился в Тобольской губ., в 25 верстах от Тобольска. Основан в 1637 г.

⁴ Епископ Гермоген – саратовский епископ. В 1912 г. по принципиальным вопросам Г. разошелся с Синодом, выступил с телеграммой на имя царя, требуя защитить церковь от неканонических действий Синода, за что был уволен. Г. отказался выехать из Петербурга и вместо этого вызвал к себе на помощь Илиодора, начав открытую борьбу с Синодом. После Февральской революции Г. вновь появляется на общественной арене в Тобольске (место ссылки царской семьи). Там он пытается создать вокруг себя подпольную монархическую организацию для устройства побега Романовых.

⁵ Иеромонах Илиодор – проповедник, пользовавшийся в 1908-12 гг. сильным влиянием в правительственных кругах России. Потеряв в них опору после ссоры Гермогена с Синодом и Распутиным, И. публично отрекается от монашества, синодаль-

рист и провокатор, хотя своим пылким темпераментом и горячим красноречием был одно время в Саратове идиологом толпы, народным трибуном и, несомненно, пользовался огромным влиянием на народные массы в Саратове и Царицыне, имея там могучего покровителя в лице местного епископа Гермогена.

В этот период времени Распутин не выходил из роли богобоязненного, благочестивого старца, усердного молитвенника и ревнителя православной церкви Христовой. Во время тяжёлого лихолетья японской войны и революции 1905 года он всячески утешал царскую семью, усердно при ней молился, заверял, что-де при его усердной молитве с царской семьёй и наследником цесаревичем не может случиться никакой беды, незаметно приобретал все большее и большее влияние и, наконец, получил звание «царского лампадника», т. е. заведывающего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами.

Таким образом, он получил беспрепятственный вход во дворец государя и сделался его ежедневным посетителем по должности своей, вместо спорадических его там появлений по приглашению. Надобно при этом заметить, что император Николай II был большой любитель, знаток и ценитель святых икон древнего письма и обладал редкой и высокоценной коллекцией таковых, которую очень бережно хранил. Надо полагать, что, вверяя попечению Распутина столь чтимое им собрание икон, государь, несомненно, проявлял к новопожалованному царскому лампаднику известное доверие, считая проявляемое им благочестие искренним и правдивым, а его самого – достойным хранителем св. ликом.

Почувствовав, таким образом, под собою твердую почву, Распутин постепенно меняет тактику, отдаваясь мало-помалу своим безнравственным наклонностям и сектантским побуждениям. Стали поговаривать, что Распутин основывает хлыстовские «корабли»⁶ с преобладанием в них молодых женщин и девиц, что Распутина часто видят в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату. Стали называть имена лиц высшего общества, якобы последовательниц хлыстовского вероучения Распутина. Мало-помалу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех.

В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником. В моем же распоряжении имелись фотографические группы так называемого «хлыстовского корабля». В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей: все как на подбор молодые парни и девицы или женщины. Перед ним двое держат большой плакат с избранными и излюбленными хлыстами изречениями Св. Писания. Я имел также фотографическую карточку гостиней Распутина, где он снят в кругу своих поклонниц из высшего общества и, к удивлению своему, многих из них узнал. Мне доставили два портрета Распутина: на одном из них он в своем крестьянском одеянии с наперсным крестом на груди и с поднятой сложенной трехперстно рукою, якобы для благословения. На другом он в монашеском одеянии, в клобуке и с наперсным крестом. У меня образовался целый том обличительных документов. Если бы десятая доля только того материала, который был в моем распоряжении, была истиной, то и этого было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутина. Ко мне, как к председателю Думы, отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина.

Наконец дело перешло на страницы повседневной печати. Цензурный комитет и министерство внутренних дел переполошились не на шутку, конечно, имея через департамент полиции и его агентуру гораздо более точные сведения и неопровержимые доказательства справедливости бродящих в обществе слухов. Положение государственной власти было донельзя

ной церкви, и, в конце концов, бежит за границу, где издает воспоминания о Распутине – «Святой черт».

⁶ Хлыстовские корабли – название отдельных общин мистической секты «хлысты». Появление этой секты большинство ученых относят к 1645 г. Основателем ее называют Данила Филиппова (костромского жителя). Хлыстовцы отрицают иконопочитание, Библию, православное духовенство и всю обрядность православной церкви.

трудное. Она не могла не понимать, в какую бездну влечет Распутин царскую чету, а с другой стороны, влияние на последнюю отвратительного сектанта становилось все сильнее и могущественнее.

* * *

Чем же объяснить это роковое влияние, несомненно, положившее начало русской революции, ибо оно первое поколебало веру в престиж царской власти и растлило народную совесть?

Вне всякого сомнения, Григорий Распутин, помимо недюжинного ума, чрезвычайной изворотливости и ни перед чем не останавливающейся развратной воли, обладал большой силой гипнотизма. Думаю, что в научном отношении он представлял исключительный интерес. В этом сходятся решительно все его сколько-нибудь знавшие, и силу этого внушения я испытал лично на себе, о чем буду говорить впоследствии.

Само собой разумеется, что на нервную, мистически настроенную императрицу, на ее мятущуюся душу, страдавшую постоянным страхом за судьбу своего сына, наследника престола, всегда тревожную за своего державного мужа, – сила гипнотизма Григория Распутина должна была оказывать исключительное действие. Можно с уверенностью сказать, что он совершенно поработил силою своего внушения волю молодой императрицы. Этою же силою он внушил ей уверенность, что, пока он при дворе, династии не грозит опасности. Он внушил ей, что он вышел из простого серого народа, а потому лучше, чем кто-либо, может понимать его нужды и те пути, по которым надо идти, чтобы осчастливить Россию. Он силою своего гипнотизма внушил царице непоколебимую, ничем непобедимую веру в себя и в то, что он избранник божий, ниспосланный для спасения России.

Вдобавок, по мнению врачей, в высшей степени нервная императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания. И только в этом заключался секрет его влияния. Явление чисто патологическое и больше ничего. Мне помнится, что я говорил по этому поводу с бывшим тогда председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным⁷, который прямо сказал мне: «Это клинический случай».

Тем отвратительнее было мне всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому верить. Безупречная семейная жизнь царской четы совершенно очевидна, а тем, кому, как мне, довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тем не менее Григорий Распутин был настоящим оракулом императрицы Александры Федоровны, и его мнение было для нее законом. С другой стороны, императрица Александра Федоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотическая, имела неограниченное, подавляющее влияние на своего лишенного всякого признака воли и характера августейшего супруга. Она сумела и его расположить к Распутину и внушить ему доверие, хотя я положительно утверждаю на основании личного опыта, что в тайниках души императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение. Но тем не менее Распутин имел беспрепятственный доступ к царю и влияние на него.

⁷ Горемыкин И. Л. – первый министр внутренних дел, назначенный Николаем II (1895-1899). После отставки Витте назначается председателем Совета Министров в апреле 1906 г. Его декларационная речь в 1-й Государственной Думе вызвала резко отрицательное отношение со стороны последней. I Дума была распущена, а Г. подал в отставку. В январе 1914 г. снова назначен председателем Совета министров. Во время войны вел борьбу с Думой, выполняя волю кружка, возглавлявшегося Александрой Федоровной и Распутиным. В январе 1916 г. был заменен Б. В. Штюрмером.

Мне говорил следующее мой товарищ по Пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант, генерал-адъютант В. Н. Дедюлин: «Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонялся от него, потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды после обеда государь меня спросил: “Почему вы, В. Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?”. Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени антипатичен, что его репутация далеко не чистоплотная, и что мне, как верноподданному, больно видеть близость этого проходимца к священной особе моего государя. “Напрасно вы так думаете, – ответил мне государь, – он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно”».

Вот какое влияние через императрицу имел Распутин на императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякие честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя в нем доступное орудие для проведения личных корыстных целей, – нечего. И в этом обстоятельстве заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать при этом, что в кружке Распутина были весьма влиятельные сановники, как, например: Штюмер⁸, обер-прокурор св. Синода Саблер, митрополит Питирим⁹ и др.

* * *

Как я уже сказал, разговоры о похождениях Распутина перешли на страницы печати. Толки эти пока концентрировались в столичной прессе, а провинция еще не ознакомилась с ними, и время упущено не было. Разгоревшийся пожар возможно было легко потушить. Но, вместо того чтобы понять весь ужас создавшегося положения, чреватого самыми мрачными последствиями, вместо того чтобы, дружно сплотившись, в корне пресечь возраставшую вокруг царского престола грозную опасность, в размерах и значении которой император и императрица, очевидно, не отдавали себе отчета, – высшие государственные чины разделились на два враждебных лагеря – распутинцев и антираспутинцев. К сожалению, была и третья группа сановников – нейтральная, которая хотя и понимала положение и скорбела искренно о нем, но, имея возможность противостоять беде, из малодушия, а может быть, и личных расчетов, – упорно безмолвствовала, не противясь злу.

К группе, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: обер-прокурора св. Синода В. К. Саблера¹⁰, его товарища Даманского, законоучителя царских детей, протоиерея Васильева, генерала Воейкова, митрополита Питирима, гофмейстера Танеева, его дочь, Вырубову¹¹

⁸ Штюмер Б. В. – новгородский губернатор (1894 г.), ярославский губернатор (с 1896 г.). Член Государственного Совета с 1904 г. Сблизившись с Распутиным и Александрой Федоровной, был выдвинут вместо Горемыкина в председатели Совета министров (январь – ноябрь 1916 г.); назначен затем м-ром внутр. дел (март – июль 1916 г.) и, наконец (июль – ноябрь 1916 г.), м-ром иностр. дел; после разоблачений в Думе германофильской политики Штюмера Николай вынужден был снять его с поста предс. Сов. м-ров.

⁹ Митрополит Питирим – б. экзарх Грузии; с 23/XI 1915 г. митрополит Петербургский и Ладожский. Чл. Синода. Получил петербургскую митрополию благодаря поддержке Распутина. При содействии Распутина Питирим стал пользоваться влиянием при царском дворе и оказывать давление на назначение м-ров. При помощи П. получил пост премьер-м-ра Б. В. Штюмер.

¹⁰ Саблер В. К. – доцент по кафедре уголовного судопроизводства в Моск. ун-те (1871-1873). Состоял при вел. кн. Екатерине Михайловне. Юриконсульт Синода. Товар. обер-прокурора Синода. После манифеста 17 октября 1905 г. вынужден был, вслед за Победоносцевым, оставить эту должность и был назначен сенатором. При Столыпине был назначен обер-прокурором Синода (до 1915 г.). Во время войны переименовал фамилию и стал называться Десятовский.

¹¹ Вырубова А. А. – урод. Танеева. В 1904 г. стала фрейлиной царского двора. Фаворитка Николая и любимица Александры Федоровны. Имела большое влияние на политику царского правительства последних лет, выполняя волю «друга» Распутина. В ее доме происходили свидания Александры Федоровны с Распутиным. (См.: *Вырубова А. А. Страницы моей жизни.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.